

Глава 34. Избалованный молодой господин (1)

В комнате, кричаще-яркой от обилия красного и зелёного, Ши Цин безуспешно попытался отогнать рукой навязчивый, удушливый аромат. Закашлявшись, он прикрыл нос рукавом и погрузился в изучение воспоминаний.

Это был мир с вымышленной древней историей.

Главным героем здесь был девятый принц Юй Чэньнянь, и сюжет следовал классической схеме восхождения униженного героя к вершинам власти.

У императора было девять сыновей, и самым нелюбимым из них был Юй Чэньнянь. Причина крылась в его происхождении: мать принца была уродливой дворцовой служанкой. Однажды правитель, сильно опьянев, силой овладел ею, и результатом этой связи стал девятый принц.

Для монарха, обладавшего гаремом в три тысячи красавиц, близость с уродливой служанкой была сродни соитию со свиньёй. Протрезвев, он пришёл в ярость и приказал немедленно казнить несчастную. Лишь благодаря заступничеству милосердной императрицы женщине сохранили жизнь.

Однако когда та родила сына, случилось дурное знамение: в день появления ребёнка на свет все лотосы в дворцовом пруду внезапно увяли. Император окончательно уверился в том, что этот сын принесёт одни несчастья.

По давней традиции, родив принца, женщина должна была получить высокий титул, но правитель и слышать об этом не хотел. Он не желал видеть свинью среди своих наложниц. Сразу после родов он приказал казнить служанку, и Юй Чэньнянь остался сиротой. Отец открыто выказывал своё пренебрежение, и никто во дворце не осмелился взять мальчика на воспитание.

В конце концов, бездетная императрица сжалилась и приняла этот сомнительный дар. Она и без того не пользовалась любовью мужа, а с появлением Юй Чэньняня, носившего клеймо дурного знамения, они оба впали в ещё большую немилость.

Когда отец и брат императрицы пали на поле боя, она лишилась последней опоры. Её оклеветали и сослали в Холодный дворец. Юй Чэньнянь последовал за ней. Мать и сын терпели вечные унижения. Посещение занятий в императорском кабинете не приносило юному принцу ничего хорошего: пятеро его старших братьев изощрались в издевательствах. Будучи принцем по рождению, он жил хуже самого последнего слуги.

Когда ему исполнилось тринадцать, во дворец прибыли учебные партнёры принцев. Даже эти дети находили удовольствие в унижении Юй Чэньняня. Но больше всех усердствовал Ши Цин — сын Канцлера Ши.

Канцлер Ши занимал высшее положение при дворе и происходил из могущественного знатного рода. Император относился к нему с большим почтением и доверием, чем к собственным сыновьям. Можно было с уверенностью сказать: любой принц, заручившийся поддержкой главы ведомства, увеличивал свои шансы на трон вдвое. Естественно, все наследники наперебой пытались снискать расположение его отпрыска.

Этот избалованный юнец издевался над Юй Чэньнянем с ещё большим азартом, чем братья-принцы. Словесные оскорбления были лишь началом; Ши Цин устраивал «шалости», которые на деле могли стоить жизни. Например, подкладывал в стол девятого принца змею. Зная, что тот живёт впроголодь и уносит остатки скудного обеда для свергнутой императрицы, он нарочно опрокидывал его коробку с едой и топтал её содержимое.

Самым же гнусным было то, что, зная о прекрасной, почти женственной внешности Юй Чэньняня, сын канцлера, завсегдатай борделей, однажды приказал схватить его и заставил евнуха имитировать над ним непристойные действия. Для мужчины это было тягчайшим позором.

Этот случай переполнил чашу терпения Юй Чэньняня. Он тайно наладил связь с семьёй приёмной матери и, изображая покорность, стал выжидать. Когда на страну напали враги, и двор один за другим терял прославленных полководцев, уже допущенный к делам Юй Чэньнянь вызвался возглавить войско. Почти все считали его смертником, но он не только вернулся с победой, но и принёс голову вражеского принца.

Поначалу император опасался честолюбивых замыслов сына, но тот вёл себя кротко и безропотно, с готовностью сдал командование. Однако вражеские набеги продолжались, и правителю вновь приходилось отправлять его на войну. И каждый раз Юй Чэньнянь возвращался триумфатором.

Постепенно император стал видеть в своём самом нелюбимом сыне острейший клинок. Прошло несколько лет, и этому клинку больше не нужен был хозяин.

Юй Чэньнянь во главе армии вошёл в столицу, убил своих пятерых братьев и двух сестёр и взошёл на драконий трон.

Разумеется, он не забыл и сына канцлера. Сначала Ши Цина кастрировали, затем, в разгар зимы, выбросили на улицу попрошайничать. Спустя полмесяца, покрытого гноящимися обморожениями, его разорвали пятью лошадьми. Новый император даже скормил его останки собакам — так глубока была его ненависть.

А после того как этот книжный мир обрёл собственную реальность...

Юй Чэньнянь, лишившись своей сюжетной брони, умер от укуса ядовитой змеи, которую сын канцлера подложил ему в стол.

Просмотрев воспоминания, Ши Цин ничуть не удивился своей новой роли. Он и был тем самым сыном канцлера.

Благодаря могуществу отца, он с детства привык, что ему всё сходит с рук. Во всей столице он был главным представителем «золотой молодёжи». Ведь даже император некогда держал его на руках и кормил — привилегия, которой не удостаивался ни один из сыновей правителя. И он в полной мере соответствовал своему статусу избалованного повесы. В оригинальном сюжете его злодеяниям не было числа.

Сейчас, в четырнадцать лет, Ши Цин ещё вёл себя относительно сдержанно: посещал бордели, издевался над девятым принцем да приставал к девушкам на улицах. Он родился недоношенным и был слаб здоровьем, поэтому в его возрасте ещё не достиг половой зрелости. Так что посещение увеселительных заведений сводилось к простому созерцанию.

Настоящая карьера злодея должна была начаться в шестнадцать. Он будет насмерть затаптывать детей лошадьёю на оживлённых улицах, силой уводить сопротивлявшихся девушек и отдавать их на растерзание своим дружкам, которые будут забавляться, пока жертва не умрёт. Ради развлечения он начнёт заманивать в азартные игры учёных, обыгрывать их с помощью шулерства, а затем в счёт долга отрубать им руки, навсегда разрушая их будущее.

Он творил зло не ради какой-то цели, а просто забавы ради.

Семья пребывала в неведении относительно его чудовищных поступков, но император был обо всем осведомлён. Он даже тайно поощрял его падение, ведь чем глубже тот увязал в пороках, тем больше у правителя появлялось рычагов давления на его отца, который души не чаял в сыне.

Однако не успел император воспользоваться этим, как Юй Чэньнянь захватил столицу и даровал отцу Ши Цина быструю смерть.

И теперь Ши Цин стал им. Четырнадцатилетним малолетним тираном с такой дурной славой, что ни одна семья не смела даже думать о союзе с ним.

Он уже привык к ролям злодеев, поэтому сразу мысленно обратился к Системе:

[Какова степень отторжения Юй Чэньняня?]

Система, которая не смела и пикнуть с тех пор, как поняла, что носителю снова достался мир сложности SSS, теперь осторожно ответила:

[Степень отторжения Юй Чэньняня: 150/100]

[?]

[Степень отторжения может превышать норму?]

[Ну... — виновато пробормотала она, — цель в этом мире довольно мелочная и злопамятная]

«Ясно»

Ши Цин опустил рукав, которым прикрывал нос, и собрался спуститься с тахты, как вдруг дверь отворилась. В комнату вошла ярко накрашенная женщина средних лет, в которой ещё угадывались черты былой красоты. Улыбаясь, она подошла к нему и принялась ловко помогать одеваться.

— Молодой господин Ши, уже рассвело, — женщина расплылась в любезной улыбке. — Вы славно повеселились? Может, позвать ещё девочек, чтобы составили вам компанию?

— Не нужно.

Ши Цин лениво зевнул. Он стоял, раскинув руки и позволяя себя одевать.

— Сегодня нужно в императорский кабинет. Вернусь вечером, тогда и повеселюсь.

— Хорошо! Тогда я велю Цуйцуй и остальным ждать вас.

Мадам охотно согласилась. Как же содержательницам подобных заведений не любить таких юных господ? Возраст не позволяет им ничего, кроме поцелуев и созерцания танцев, а денег они не жалеют.

Проворно одев Ши Цина, она подошла к окну и распахнула его. Порыв ледяного ветра заставил юношу вздрогнуть.

— Почему на улице так холодно?

— Да, похоже, снег пошёл.

«Снег?..» — Ши Цин вспомнил.

Ведь именно в день первого снега в том году его предшественник подложил ядовитую змею в стол Юй Чэньняня.

Он зевнул и, не прощаясь с мадам, направился к выходу. Едва он спустился на первый этаж, как к нему подбежал слуга, до этого наблюдавший за танцами.

— Молодой господин, готовить карету во дворец?

Ши Цин подошёл к бронзовому зеркалу на стене и принялся разглядывать своё отражение. У него была привлекательная внешность, и черты лица казались утончёнными. Стоило ему слегка приподнять подбородок, как в облике тут же появлялась надменность избалованного ребёнка. Зеркало было тусклым, но даже в нём было видно, насколько бледна его кожа.

— Съезди сначала в поместье и принеси мне плащ. Тот, красный.

Слуга, выросший вместе с ним и пользовавшийся его расположением, удивлённо спросил:

— Молодой господин, разве вы не говорили, что терпеть не можете красный цвет?

Ши Цин в привычной манере отвесил ему пинка:

— Тебе сказано принести, значит — иди! И нечего болтать!

— Да, да, уже бегу! — слуга поспешно увернулся и со всех ног бросился выполнять поручение.

Спустя полчаса Ши Цин, облачённый в красный плащ, уже въезжал в карете на территорию дворца. Стража, узнав экипаж семьи Ши, даже не стала его останавливать.

Прибыв на место, юный господин вышел из кареты. Высокомерно вздёрнув подбородок, он капризно отказался ступить на заснеженные ступени.

— Подними меня, — велел он одному из евнухов.

Тот послушно подставил спину и доставил юного господина до самого входа в императорский кабинет.

Там его уже ждали пять человек. Ши Цин скользнул взглядом по четверым и остановился на юноше, стоявшем позади всех. На Юй Чэньняне была старая одежда, и, несмотря на снегопад, слишком тонкая. Его длинные бледные пальцы слегка подрагивали от холода, голова была опущена. Любому было ясно — он чувствовал себя здесь лишним.

— Ши Цин пришёл, — первым поприветствовал его Первый принц. — Сегодня ты на удивление пунктуален. — Он с дружелюбной усмешкой наблюдал, как евнух осторожно опускает гостя на чистое место. — Что, в павильоне Жуи стало скучно?

— Сборище вульгарных девиц, что в них может быть интересного?

Юный господин позволил евнуху смахнуть с плеч снежинки. Он вздёрнул точёный подбородок, и на его лице отразилось капризное выражение:

— Вчерашняя девица хоть и считалась первой красавицей, а руки у неё были грубее моих. Надо будет как-нибудь попросить Его Величество пожаловать мне кого-то посимпатичнее. — Словно в приливе щедрости, он повернулся к Первому принцу: — Хочешь, и для тебя попрошу?

Первый принц поспешно отказался. Он как раз пытался произвести на отца хорошее впечатление и уж точно не хотел прослыть распутником. Лишь такому бесцеремонному юнцу, как Ши Цин, могло прийти в голову обращаться к императору с подобными просьбами.

Пока они разговаривали, к ним торопливо подошёл Третий принц с коробкой для еды. Увидев Ши Цина, он тут же направился к нему.

— Ши Цин. — Не обращая внимания на помрачневшее лицо старшего брата, он отвёл юношу в сторону и прошептал: — Я достал то, что ты просил.

— Достал?! — Ши Цин воскликнул так громко, что остальные принцы бросили на Третьего недобрые взгляды.

Лишь Юй Чэньнянь встретился взглядом с юным господином. На фоне падающего снега юноша в алом плаще выглядел особенно ярко. Он во все глаза смотрел на девятого принца, то и дело поглядывая на коробку в своих руках. В его тёмных зрачках так и читалось предвкушение.

Юй Чэньнянь почувствовал, как сердце уходит в пятки.

«Этот неприкрытый восторг... В коробке явно припасено что-то для очередной издевки надо мной»

Третий принц всё ещё шептал Ши Цину на ухо:

— Я его отвлеку, а ты пока всё сделаешь.

— Хорошо! — Ши Цин радостно кивнул и сладко пропел: — Всё-таки Третий братец самый лучший!

— Главное, что ты это ценишь.

Не успел Третий принц сказать ещё пару ласковых слов, как Ши Цин выхватил у него коробку

и потащил за собой к Юй Чэньняню. Он подтолкнул принца вперёд и, словно не в силах выносить тяжесть, поставил ношу на землю. Затем надменно вздёрнул подбородок:

— Третий братец хочет с тобой поговорить. Не смей входить, пока не закончите!

Третий принц застыл.

«Это же равносильно объявлению: „Мы затеваем пакость, и я пришёл тебя отвлечь, чтобы ты не входил!“»

Юй Чэньнянь молча перевёл взгляд с опешившего Третьего принца на Ши Цина, на лице которого было написано «Я буду пакостить!», и тихо ответил:

— Хорошо.

— Третий братец, он согласен. Поговори с ним скорее!

Лицо Ши Цина сияло восторгом. Он бросился в помещение, но на полпути вспомнил, что забыл коробку, и вернулся. Подняв её, он подозрительно посмотрел на Юй Чэньняня:

— Пока я не разрешу, не входить!

Юй Чэньнянь поднял тяжёлый взгляд на юного господина, задравшего голову подобно маленькому гордому павлину, и поджал губы:

— Хорошо.

Получив его согласие, Ши Цин обрадовался и пулей влетел внутрь. Приставленный к нему евнух засуетился, видя такую прыть:

— Молодой господин, помедленнее, прошу вас!..

Остальные принцы переглянулись и последовали за ними.

На заснеженном крыльце воцарилась тишина. Юй Чэньнянь прекрасно понимал, что против него затевают очередную пакость. Третий принц понимал, что Юй Чэньнянь всё понял. Запланированное издевательство обернулось нелепицей.

Они просто стояли друг напротив друга и ждали, пока Ши Цин их позовёт. Холодный ветер пронизывал до костей. Неловкость момента была неопишуемой.

<http://bllate.org/book/15834/1437628>